

В сценарии Лин Юйце Цзиньцзянь был исключением. Все остальные клинки были натренированы вторым клинком до предела максимального уровня, но Цзиньцзянь — третьим.

Согласно сюжету, отряд второй Цзиньцзянь тогда был полностью тяжело ранен и случайно столкнулся с отрядом Кэбэйси. Будучи капитаном и обладая наивысшим уровнем, Цзиньцзянь, чтобы защитить товарищей по отряду, сломался.

Садзине посчитал это большой потерей: в конце концов, вторая Цзиньцзянь тогда почти достигла максимума высшей формы, да и момент подгадали как раз вовремя, когда Лин Юйце уже почти добился успеха.

В хорошем настроении Садзине призвал третью Цзиньцзянь, а затем вправил осколки уже сломанной второй Цзиньцзянь в новую.

Позже, посчитав, что вакидзаси выглядят не слишком красиво, он вправил туда же все оставшиеся от первого эксперимента осколки семьи Тёдзи.

Так родилась огромная тати Цзиньцзянь, которая не узнавала младших братьев, испытывала сильнейшую тягу к защите всех клинков — причем чем меньше был клинок, тем сильнее было стремление его защитить, — страдала нехваткой эмоций и полной амнезией.

В сценарии первое, что увидела новорожденная Цзиньцзянь, был окруженный многослойной защитой Лин Юйце, после чего ее тяга защищать Лин Юйце стала просто нелепо сильной.

Она не признавала остальных младших братьев из семьи Тёдзи, единственным признанным ею братом был Лин Юйце.

Когда Садзине тогда привел эту Цзиньцзянь в хонкару, семья Тёдзи успешно взбесилась, но Цзиньцзянь преградила им путь и даже нанесла Микадзуки тяжелые ранения.

Тогда, не помнящая совершенно ничего, она, пожалуй, была самой преданной Садзине во всей хонкаре.

Если бы Садзине не покушался на Лин Юйце, Цзиньцзянь действительно не стала бы временно переходить на другую сторону и убивать его.

В конце концов, Цзиньцзянь тогда была главной силой, убившей Садзине: она в мгновение ока вонзила клинок прямо ему в грудь, без малейшего намека на привязанность, рискуя пострадать от обратного удара силы, но твердо намереваясь покончить с ним.

Причиной послужило то, что остальные клинки сказали, будто Садзине собирается расправиться с Лин Юйце.

Когда Цурумару воссоздал в реальности сгенерированную сценарием Цзиньцзянь, совесть Лин Юйце снова заняла.

Он был грешником, он действительно заслуживал смерти.

Случайно высказав это вслух, Лин Юйце тут же был заключен в объятия Цзиньцзянь, а подняв голову, он увидел испуганное лицо.

Цзиньцзянь без конца спрашивала, почему он говорит о собственной смерти, и твердила, что Лин Юйце — это дарованная небесами милость, уникальное сокровище, преподнесенное миром человечеству, и всё в таком духе.

Она наговорила с три короба хвалебных слов, и главной их мыслью было заставить Лин Юйце взять свои слова назад: нельзя было говорить о смерти, и тем более нельзя было говорить о собственной смерти.

Лин Юйце послушно закрыл рот и с покладистым видом дал понять, что больше такого не повторит.

□Гокоцуй□ с остекленевшим взглядом смотрел вслед уходящей госпоже большой тати Цзиньцзянь.

Он начал тревожиться о том, что станут делать господин Микадзуки, господин Коцунэмару и господин Исикиримару из его хонкары, когда увидят всё это.

А также о местной госпоже Цзиньцзянь из его хонкары.

Стоило этой госпоже Цзиньцзянь появиться, как это неизменно оборачивалось грандиозным взрывом. К тому же, если им предстояло отправиться в Управление по надзору за временем, □Гокоцуй□ с беспокойством посмотрел на Ягэна.

□Гокоцуй□ нерешительно произнес:

— Ягэн-нии, раз госпожа Цзиньцзянь такова, то если в Управлении вдруг...

Ягэн ответил спокойным тоном:

— Ничего страшного, мы изначально и не планировали ничего скрывать. Тем более, если Цзиньцзянь явится туда в таком виде, Управление определенно не сможет этого утаить, и тогда они тем более не посмеют выступить против нас.

□Гокоцуй□ кивнул, его лицо оставалось встревоженным.

В таком полнейшем беспокойстве они пообедали значительно более богатым обедом, чем обычно: суп мисо с грибами, рис с угрем, тэмпура, запеченный молодой картофель.

Как ели остальные клинки, Лин Юйце не знал, но сам он набил живот до отказа, а поев, лежал, обхватив себя руками и блаженно мыча от переедания.

Цурумару погладил себя по животу какое-то время, а потом побежал к Ягэну, чтобы тот погладил его. Когда Ягэн закончил — погладил Гокоцуи, после того как Гокоцуи — погладил Сюдайтики, а когда Сюдайтики закончил — погладил Цзиньцзянь. Гладили всех, гладили абсолютно всех, абсолютно каждый клинок получил свою порцию поглаживаний.

Лин Юйце: балансирует чаши весов с невероятной точностью.jpg

Вся разница была лишь в том, что, закончив гладить, Цзиньцзянь заключила круглого пухляка в объятия и наотрез отказалась отпускать.

В два часа дня Ягэн, Сюдайтики и Цзиньцзянь переоделись в боевые одежды, и Лин Юйце с тяжелым сердцем вернул тигренка Гокоцую.

Тигренок жалобно пропищал пару раз, изображая из себя несчастного малыша, которого вместе с тигром насильственно разлучает злобный Цурумару.

Гокоцуи прижал тигренка к груди, наклонился и низко поклонился всем присутствующим клинкам:

— Большое спасибо всем вам, Ваших Превосходительств, за готовность помочь нам.

Ягэн поднял его на ноги:

— Пустяки, пошли.

Пространственно-временной преобразователь ярко вспыхнул, а когда вновь погас, всех клинков уже и след простыл.

Лин Юйце немного тревожился:

— Всё ведь будет в порядке?

Цурумару сохранял невозмутимый вид:

— По прогнозам системы, вероятность успеха составляет девяносто девять и девять десятых процента.

Лин Юйце всё равно сомневался:

— А если система ошибется?

Цурумару изобразил на лице беспомощность:

— Тогда появится новая неразгаданная тайна: почему клинок максимального уровня формы высшей ступени не может победить клинок без высшей формы?

Лин Юйце кивнул:

— Похоже, что так. Но что, если клинки всей вражеской хонкары нападут на нас разом?

Цурумару усмехнулся:

— Если только у хозяина той хонкары способностей хватит на то, чтобы полностью контролировать клинки всей обители, иначе я решительно не понимаю, зачем помогать ублюдку.

Лин Юйце: мне даже нечего возразить. Ничего не поделаешь, сердце матери полно тревоги, когда дитя отправляется в дальний путь, эх...

— Ой, больно! — в гневе завопил Лин Юйце. — Цурумару, ты снова бьешь меня по голове! Я и так не особо умен, меня же отупеешь окончательно!

Цурумару вздохнул и потрепал его по макушке:

— Тогда прекрати забивать голову всякой ерундой, иначе...

Лин Юйце: чувство вины.jpg

А тем временем остальные клинки уже прибыли к воротам хонкары [Гокоцуя].

Цзиньцзянь холодно произнесла:

— Ворвемся с боем?

Вопросительное предложение прозвучало так, будто это было утверждение.

Ягэн осмотрел окрестности хонкары:

— Тэцу, иди постучи в дверь. Если по-хорошему не выйдет, тогда просто ворвемся.

[Гокоцуй] кивнул, подошел и постучал в дверь. Тем временем Фудзимото бесновался в

Большом зале, бессильный совладеть с яростью, в то время как клинки с холодной отстраненностью наблюдали за тем, как он дает выход своему гневу.

Фудзимото безжалостно пнул ближнего помощника, Мацудайдэки, прямо сбив того с ног, и члены клана Одамоку могли лишь сжимать кулаки, глядя на это.

Они не могли сопротивляться: в руках у этого ублюдка находились их братья, и хотя они не знали, куда тот спрятал их, они каждый день видели его носящим с собой не принявший истинный облик клинок. У них не было выбора, оставалось только терпеть.

Как только они обнаружат место, где он прятал клинки, для Фудзимото настанет смертный час.

Фудзимото изливал свою ярость, как вдруг услышал стук в ворота хонкары. Выражение его лица изменилось, и он бросил:

— Сюдайтэки Коцуно, Микадзуки Мунэкадзу, Итиго Хидзиката, Саё Самонэ, Мацудайдэки — вы пятеро идете со мной к воротам, пожаловали гости. И не забывайте про своих братьев.

Добравшись с ними до ворот, Фудзимото напустил на себя дружелюбное и ласковое выражение лица. Позади него Итиго Хидзиката с беспокойством потрепал Мацудайдэки по голове.

Синевшие на теле младшего брата следы побоев разжигали в его сердце всё более яростный огонь, а воспоминания о том, как не так давно его младшего брата отправили на поле боя в одиночку, наполняли его душу тревожной ненавистью.

Если бы не тот факт, что Хоката всё еще находился в руках этого ублюдка, лишая его возможности действовать, он бы уже давным-давно...

<http://bllate.org/book/20894/2112276>